

Модернизация имперская и советская

Б. Н. Миронов

Для цитирования: *Миронов Б. Н.* Модернизация имперская и советская // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 54–82. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.104>

В России имперского и советского периодов общество развивалось от традиции к модерну, в результате возникли передовые индустриальные технологии, а также соответствующие им политические, культурные, социальные механизмы, позволяющие указанные технологии поддерживать, использовать и управлять ими. Имперская модернизация проходила по классическому европейскому сценарию. По целям, средствам и результатам советская модернизация явилась ее продолжением. Однако в одних аспектах (формирование рациональной, образованной, светски ориентированной личности, индустриализация, урбанизация, демократизация семьи, эмансипация женщин и детей) советская модернизация напоминала, а в других — отличалась от классической западной модели (приоритет государства над обществом, примат коллектива над личностью, ограничение свободы индивидуума, централизация, планирование). В кратком виде формула советской модернизации сводилась к технологическому и материальному прогрессу на основе традиционных социальных институтов. Советская модернизация обеспечила менее высокие темпы развития и обошлась обществу более дорогой ценой, чем имперская. Однако, если бы не огромные и ничем не оправданные человеческие жертвы, советскую модернизацию можно было бы считать успешной, хотя она так же, как и имперская, закончилась кризисом и революцией. То, что советская модернизация сменила имперскую в результате военной революции 1917 г., а постсоветская сменила советскую после мирной революции 1991–1993 гг., не означает, что обе модернизации не состоялись и потерпели крах. Имперская модернизация охватила в большей степени образованные слои, верхние страты, значительную долю городского населения и часть крестьянства, которая поддержала Столыпинскую реформу. Перечисленные группы населения частично пересекались, поэтому их процент в общей численности населения вряд ли превышал 30–35. Львиную долю населения, проживавшего преимущественно в деревне, модернизация затронула слабо, причем значительная ее часть встретила принципиальные модернизационные процессы либо негативно (например, коммерциализацию, социальную и имущественную буржуазную дифференциацию), либо индифферентно. Советская модернизация охватила весь социум, и ее воздействие оказалось более глубоким и всесторонним. По своим результатам обе модернизации можно считать в целом достаточно успешными проектами, хотя они и не решили всех возлагавшихся на них задач и надежд.

Ключевые слова: имперская и советская модернизация, модели и стратегия проведения, сходство и различия, критика оценок модернизации, конвергенция России и Запада, российская колея, будущее России.

Миронов Борис Николаевич — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; b.mironov@spbu.ru

Mironov Boris N. — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; b.mironov@spbu.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00119).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

Imperial and Soviet Modernization

B. N. Mironov

For citation: Mironov B. N. Imperial and Soviet Modernization. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 1, pp. 54–82. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.104>

In Russia, during the imperial and Soviet periods, the society developed from tradition to modernity, resulting in the emergence of the advanced industrial technologies and corresponding political, cultural and social mechanisms, which enabled to support, use and manage these technologies. The imperial modernization took place according to the classical European scenario. In terms of goals, means and results Soviet modernization was its continuation. However, while in some respects (the formation of a rational, educated, secularly oriented personality, industrialization, urbanization, the democratization of the family, the emancipation of women and children), Soviet modernization bore resemblance with the classical Western model, it was different as far as other aspects were concerned (the priority of the state over the society, the primacy of the collective over the individual, restriction of individual freedom, centralization, planning). In short, the formula of Soviet modernization amounted to technological and material progress on the basis of traditional social institutions. Soviet modernization provided less rapid development and came at a higher price compared to the Imperial one. However, if it had not been for huge and unjustified human sacrifices, Soviet modernization could have been deemed a success, although it, like the imperial one, ended in a crisis and revolution. The fact that the imperial modernization was replaced with the Soviet one after the military revolution of 1917, and the post-Soviet change from the Soviet period occurred as a result of the peaceful revolution of 1991–1993, does not mean that both processes of modernization did not take place or that they failed. Imperial modernization had more impact on the educated part of the society, on the upper strata, on a considerable part of the urban population and partly on the peasantry who supported the Stolypin reform. The above-mentioned groups overlapped, so their percentage in relation to the total population hardly exceeded 30–35. The lion's share of the population, who lived predominantly in the countryside, was not affected by modernization, and a large number of them either had a negative attitude to the fundamental modernization processes (for example, to the commercialization, social and material bourgeois differentiation) or were indifferent to them. Soviet modernization embraced the entire society, and its impact was deeper and more comprehensive. In terms of their results, both processes of modernization can be considered to have been relatively successful projects, although they did not resolve all the tasks and hopes that were associated with them.

Keywords: imperial and Soviet modernization, models and strategy of conducting, similarities and differences, criticism of modernization assessments, convergence of Russia and the West, the Russian track, the future of Russia.

В современной литературе понятие «модернизация» употребляется в четырех значениях, как: 1) переход от традиционного общества к современному, который приводит к появлению и развитию передовых индустриальных технологий, а также соответствующих им политических, культурных, социальных механизмов, позволяющих указанные технологии поддерживать, использовать и управлять ими, — то, что составляет сущность концепции модернизации; 2) процесс, в ходе которого отставшие догоняют ушедших вперед, — синоним догоняющего развития; 3) преобразования, предпринимаемые отставшими странами с целью приблизиться к характеристикам наиболее развитых; 4) совершенствование общества в широком

смысле путем реформ и внедрения инноваций. В статье я буду иметь в виду первое значение — как движение от традиционности к современности¹.

Имперская модернизация

В России периода империи происходило множество одновременных изменений в обществе, охватывающих все сферы социальной жизни и оказывающих воздействие на все социальные институты и всех членов общества, — именно то, что составляет сущность процесса модернизации. В имперской модернизации можно выделить два этапа: 1) XVIII — первая половина XIX в., 2) вторая половина XIX в. — 1917 г. К 1830–1850-м годам относится начало промышленного переворота в России, с которым во всех странах связывается переход от аграрного общества к индустриальному, т. е. начало модернизации. На первом этапе, назовем его подготовительным или протомодернизацией, во главе угла находилось развитие промышленности, городов, просвещения, бюрократического аппарата, внутренней и внешней торговли и инфраструктуры. Это развитие происходило в форме трансфера западноевропейских институтов, технических и культурных достижений. Успехи были скромными, но они создали предпосылки для начала собственно модернизации во второй половине XIX в. Великие реформы 1860–1870-х годов дали мощный толчок продолжению модернизации — с этого момента она стала по-настоящему многомерной и глубокой, несмотря на яростное сопротивление традиции и колебания в политике правительства. На втором этапе получили особенное развитие такие процессы, как индустриализация в форме промышленной революции, профессионализация, секуляризация, индивидуализация, распространение средств массовой информации, рост социальной и профессиональной мобильности, демографический переход, семейная революция, нацистроительство и, что особенно важно, развитие частной собственности (приватизация), конституционализма и гражданского общества.

Развитие страны в имперский период проходило по сценарию, как будто написанному теоретиками модернизации специально для России: 1) экономика развивалась как индустриальная и рыночная, основанная на конкуренции и частной собственности; 2) формировалось гражданское общество с множеством добровольных общественных организаций; 3) складывалось правовое государство с парламентом, верховенством закона, открытостью, гласностью, публичностью; 4) развивался индустриальный и урбанистический образ жизни, основанный на функциональной специализации институтов и людей (имеется в виду разделение

---

¹ Концепция модернизации рассмотрена во многих работах: *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006; Эволюция концепции модернизации во второй половине XX века [Н. Е. Тихонова и др.] // Социология: методология, методы, математическое моделирование. М., 2007. № 25. С. 22–47; От аграрного общества к государству всеобщего благоденствия. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. / Г. А. Дидерикс и др.; Т. Л. Моисеенко-Доорн (ред.). М., 1998. С. 8–13, 25–26; Хантингтон С. Универсальная цивилизация? Модернизация и вестернизация // Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва, 2005. С. 74–114; *Stearns P. N.* Modernization // *Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000*. In 6 vols. / ed. by P. N. Stearns. New York etc., 2001. Vol. 2. P. 3–12. Критику концепции см.: *Семенов Ю. И.* Философия истории (общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003. С. 198–204, 213–214, 255, 487, 489.

труда, профессионализация, бюрократизация управления и т. д.); 5) складывалась российская нация как совокупность людей, объединенных согласно их воле, отождествляющих себя с целым и осознающих свое единство; 6) семья эволюционировала в направлении малой демократической семьи с равенством супругов, родителей и детей; 7) формировалась современная личность, принимающая изменения как норму, гражданские и политические права как атрибут человека, рыночную экономику и частную собственность как необходимые условия, обеспечивающие нормальное функционирование общества и государства на основе разума и науки; 8) утверждалась светская система ценностей, в которой индивидуализм является второй религией, основой общественного и индивидуального успеха. Российское общество в XVIII — начале XX в. развивалось от традиции к модерну, но к 1917 г. по причине незавершенности модернизации не соответствовало в полной мере ни одному из критериев современного общества. Сходство фактического и теоретического (т. е. соответствующего теории модернизации) сценариев развития имперской России объясняется тремя обстоятельствами: естественным, спонтанным тяготением страны к европейской траектории; желанием элиты идти общеевропейским путем; политикой правящего класса, сознательно и настойчиво преследовавшего цель сравняться с самыми передовыми европейскими странами во всех отношениях.

На втором этапе имперской модернизации можно говорить о прорыве в развитии, в результате которого произошло настоящее *экономическое чудо*. С 1861 по 1913 г. темпы экономического развития стали сопоставимы с европейскими. Национальный доход за 52 года увеличился почти в 4 раза (в 3,8 раза). И это несмотря на огромный естественный прирост — население империи увеличивалось почти на 2 млн ежегодно. С 1880-х годов темпы экономического роста стали выше не только среднеевропейских, но и «среднезападных»: валовой национальный доход увеличивался на 3,3% ежегодно. Наибольшие успехи наблюдались в промышленности. С 1881 по 1913 г. доля России в мировом промышленном производстве возросла с 3 до 5 с лишним процентов. Однако и сельское хозяйство прогрессировало среднеевропейскими темпами. Россия в конце XIX — начале XX в. являлась одной из наиболее динамично развивавшихся держав мира².

Но главное чудо состояло в том, что при высоких темпах роста экономики и населения происходило существенное повышение уровня жизни. Укажу на 12 важнейших признаков, доказывающих этот процесс в пореформенный период³.

1. Увеличение с 1850-х по 1911–1913 гг. реальной подневной платы сельскохозяйственного рабочего в 3,8 раза, промышленных рабочих — в 1,4 раза.
2. Повышение с 1885 по 1913 г. производства потребительских товаров и оборота внутренней торговли на душу населения в постоянных ценах в 1,7 раза (за более раннее время сведений не имеется).

---

² Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 61–62.

³ Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. 2-е изд. испр., доп. М., 2012. С. 213, 216, 337, 372–373, 429, 457, 529–539, 547, 598–609, 629–630.

3. Увеличение между 1886–1890 и 1911–1913 гг. количества зерна, оставляемого крестьянами для собственного потребления, на 34 %.
4. Сокращение числа рабочих дней в году у крестьян со 135 в 1850-е годы до 107 в 1902 г., уменьшение числа рабочих часов у пролетариев с 2952 в 1850-е до 2570 в 1913 г.
5. Массовая скупка земли крестьянами. За 1862–1910 гг. крестьяне купили 24,5 млн дес. земли, заплатив за нее огромные деньги — 971 млн руб., что было в 28 раз больше, чем все недоимки, накопившиеся за ними к 1910 г. Купчая земля относительно наделной составляла 6,8 % в 1877 г., 14,5 в 1887 г. и 21,6 % в 1910 г., а относительно всей частновладельческой земли — соответственно 6,2; 13,1 и 25 %, причем почти половина (46 %) земли была куплена крестьянскими обществами и товариществами.
6. Увеличение вкладов россиян в государственных сберегательных кассах, самом популярном банке в России. В 50 губерниях Европейской России с 1865–1869 по 1909–1913 гг. число вкладчиков увеличилось в 159 раз, на 1000 жителей — в 82 раза, величина вклада на одного вкладчика — в 2,7 раза, с учетом инфляции — в 1,7 раза, величина вклада на одного жителя страны — в 228 раз, с учетом инфляции — в 145 раз. Вкладчики касс делились на профессиональные группы, среди которых выделялись «работники». К последним относились лица, занятые в земледелии и промышленности, т. е. в огромном большинстве крестьяне и рабочие. Их доля среди клиентов банков увеличилась с 9 % в 1865–1869 гг. до 33 % в 1909–1913 гг., а доля во вкладах — соответственно с 11 до 33 %. В 1913 г. их число достигло 7,6 млн, среди них на долю женщин приходилось около 43 %, мужчин — 57 %. Если принять, что мужчины представляли целую семью, то получается, что только в сберегательных кассах хранили деньги около 4,3 млн семей, насчитывавших до 26 млн человек (поскольку в среднем семья включала 6 человек), т. е. 21 % жителей Европейской России. Сберегательные кассы хранили лишь часть накоплений «работников»: многие крестьяне держали деньги в кубышке; кроме сберегательных касс имелись и другие кредитные учреждения.
7. Существенное и систематическое увеличение конечной (т. е. при достижении полной физической зрелости) длины тела мужчин за 1791–1915 гг. на 7,7 см (с 161,3 до 169,0 см) и веса за 1811–1915 гг. — на 7,4 кг (с 59,1 до 66,5 кг) дает уверенность в том, что уровень жизни крестьянства действительно повысился. Индекс массы тела, показывающий уровень питания, на протяжении 1811–1915 гг. всегда соответствовал норме, а к концу изучаемого периода даже немного увеличился — с 21,8 до 23,3.
8. Уменьшение числа самоубийств (на 100 тыс.) среди сельского населения с 1870–1874 по 1906–1910 гг. в 1,1 раза. Среди городского населения суицидность выросла в 1,2 раза.
9. Средняя продолжительность жизни увеличилась на 7 лет (с 27 до 34) (с 1851–1863 по 1904–1913 гг.).
10. Средняя грамотность населения в возрасте 10 лет и старше повысилась с 17 до 43 %.

11. Индекс человеческого развития увеличился в 1,8 раза — с 0,171 до 0,308; он учитывает: а) продолжительность жизни; б) уровень образования (грамотность и долю учащихся среди детей школьного возраста); в) ВВП на душу населения.
12. Широко распространенное мнение о росте материального неравенства, достигшего к 1917 г. огромных размеров, не подтверждается эмпирически. В начале XX в. децильный коэффициент неравенства (отношение среднего дохода 10 % самых богатых к среднему доходу 10 % самых бедных) составлял лишь 6 и был существенно ниже, чем в самых развитых европейских странах того времени, например, в Англии он равнялся 50, в США — 20. В современной России неравенство в 2,5 раза выше, чем 100 лет назад. В СССР в 1990 г. децильный коэффициент был ненамного ниже, чем в царской России, он составлял 4–5.

Приведенные данные (с учетом умеренной имущественной дифференциации) со всей очевидностью свидетельствуют о том, что благосостояние народа в пореформенное время повышалось. Благодаря тому, что степень материального неравенства в России была почти в 3 раза меньше, чем в США, по уровню жизни огромного большинства населения в начале XX в. страны различались не так сильно, как иногда думают.

Прогресс наблюдался во всех сферах жизни. Социальная структура общества в пореформенное время претерпела коренную, но мирную трансформацию. Благодаря реформам 1860-х годов сословия стали постепенно утрачивать свои специфические привилегии, сближаться друг с другом в правовом положении и постепенно трансформироваться в классы и профессиональные группы. Дворяне-помещики сливались в одну социально-профессиональную группу с частными землевладельцами, дворяне-чиновники — с чиновниками-недворянами, прочие категории личного и потомственного дворянства — с профессиональной интеллигенцией; происходило также «обуржуазивание» дворянства и «оземеливание» буржуазии. Духовенство эволюционировало от сословия в сторону профессиональной группы духовных пастырей. Городское сословие превращалось в предпринимателей, интеллигенцию и рабочих, крестьянство — в фермеров и рабочих. Решающее значение в превращении сословий в классы и профессиональные группы имели, с одной стороны, юридическая и фактическая ликвидация привилегий дворянства, с другой — ликвидация правовой неполноценности податных сословий. С отменой крепостного права в 1861 г. все категории крестьян и городских обывателей сравнились по своим правам, а дворянство утратило свою главную привилегию — монопольное право на владение крепостными. После введения земских учреждений в 1864 г. все сословия получили право формировать органы местного самоуправления на уездном и губернском уровнях. Городская реформа 1870 г. превратила городское сословное самоуправление во всесословное самоуправление. В результате судебной реформы в 1864 г. сословные суды упразднились, и все граждане попадали под юрисдикцию единых для всех общесословных судов. Введение всеобщей воинской повинности в 1874 г. ликвидировало принципиальное различие между привилегированными и податными сословиями: представители всех сословий, включая дворянство, стали на общих основаниях привлекаться к отбыванию воинской по-

винности. Другие важные реформы, происшедшие в последней трети XIX — начале XX в. (отмена подушной подати и круговой поруки среди сельских и городских обывателей, включение дворянства в число налогоплательщиков, отмена паспортного режима, отмена выкупных платежей за землю, получение права на выход из общины в 1907 г., наконец, введение представительного учреждения и обретение гражданских прав всем населением в 1905 г.), привели к тому, что к 1917 г. все сословия *юридически* утратили свои специфические сословные права. Вертикальная социальная мобильность существенно возросла, поддерживая трансформацию социальной структуры из сословной в классово-профессиональную.

Политическое развитие страны после Великих реформ также следует признать достаточно успешным. Российская государственность эволюционировала от самодержавия к конституционной монархии и в 1905–1906 гг. стала таковой. После 1905 г. появились свободная пресса, общественное мнение, политические партии, тысячи добровольных ассоциаций — все элементы гражданского общества. В принципе сформировался механизм, обеспечивающий передачу общественных настроений, желаний, требований от общества к властным структурам, и контроль за их исполнением посредством законодательных учреждений, прессы, общественного мнения, добровольных ассоциаций. Последних к осени 1917 г. насчитывалось около 90 тыс. Набирали силу добровольные ассоциации буржуазии. Десятки биржевых обществ, съездов промышленников, обществ фабрикантов и заводчиков лоббировали региональные и отраслевые интересы предпринимателей перед государством и рабочими⁴.

Подчеркну: в пореформенное время, в 1861–1914 гг., благосостояние российских граждан повысилось не только в узком материальном смысле. Все население, включая непривилегированные социальные группы, приобрело гражданские и политические права, доступ к образованию и другим благам цивилизации. Как известно, улучшение условий жизни рассматривается в теории модернизации в качестве главного критерия ее успешности⁵. Поскольку имперская Россия модернизировалась, а благосостояние населения при этом росло, модернизацию следует признать успешной, несмотря на все издержки, трудности и периодические кризисы.

Свержение монархии неправильно рассматривать как показатель краха имперской модернизации.

Во-первых, революция на фоне бесспорных успехов модернизации — это не нонсенс, а социологическая закономерность. Теория модернизации утверждает: модернизация способствует росту социальной напряженности и конфликтности в обществе; чем быстрее и успешнее проходит модернизация, тем, как правило, выше конфликтность и социальная напряженность в обществе. В России, как и в других странах второго эшелона модернизации, ее ускоренное, а в ряде случаев и преждевременное проведение потребовало больших издержек и даже жертв — например, со стороны помещиков, у которых государство принудительно экспроприировало землю, хотя и за компенсацию. Это привело к лишениям и испытаниям для отдельных групп россиян и не принесло равномерного благополучия сразу

⁴ Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. СПб., 2014, 2015. Т. 3. С. 841–847.

⁵ Tiryakian E. The Changing Centers of Modernity // Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt / eds E. Cohen, M. Lissak, U. Almagor. Boulder, 1985. P. 131–147.

и всем. Велики оказались и побочные негативные последствия модернизации: увеличение социальной и межэтнической напряженности, конфликтности, насилия, девиантности во всех ее проявлениях — от самоубийства до социального и политического протеста. Необыкновенный рост всякого рода протестных движений порождался, с одной стороны, дезориентацией, дезорганизацией и социальной напряженностью в обществе, с другой — полученной свободой, ослаблением социального контроля и возросшей социальной мобильностью, с третьей — несоответствием между потребностями людей и объективными возможностями экономики и общества их удовлетворить. Общество испытало так называемую *травму социальных изменений*, или *аномию успеха*. «Прогрессивные по своей сути изменения, имеющие позитивные результаты, обнаруживают свою негативную сторону именно в силу того, что являясь изменениями, что нарушают установившийся, стабильный порядок, прерывают непрерывность, нарушают равновесие, ставят под сомнение или лишают смысла прежние навыки и привычки»⁶.

Конфликт традиции и современности можно назвать системным кризисом. Однако такой кризис не имеет ничего общего с тем пониманием системного кризиса, которое доминировало в советской историографии и до сих пор широко бытует в современной литературе, — как всеобщего и перманентного кризиса, превратившего российский социум в несостоятельную и нежизнеспособную систему, не способную развиваться и приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни и обеспечивать благосостояние граждан. «Упадок старого, вызванный ростом нового и молодого, — это признак здоровья»⁷. *Кризис российского социума был болезнью роста, свидетельствовал о его развитии, а не о приближении его конца, «представляя собой скорее мутацию и трансформацию, чем упадок»*⁸. Кризис не вел фатально к революции, а лишь создавал для нее предпосылки, только возможность, ставшую реальностью в силу особых обстоятельств — военных поражений, трудностей военного времени и непримиримой и ожесточенной борьбы за власть между оппозиционной общественностью и монархией.

Во-вторых, плоды модернизации — образованные кадры, культура, библиотеки, школы, университеты, промышленность, железные дороги и т. п. — не погибли, хотя и существенно пострадали.

В-третьих, советская модернизация опиралась на достижения имперской, реализовывала не осуществленные ею проекты и по сути продолжила имперскую модернизацию.

Советская модернизация

Имперская модернизация во главу угла ставила индустриализацию, развитие инфраструктуры и повышение культуры населения. Советская индустриализация продолжила имперскую.

Накануне Первой мировой войны Россия вступила в новую фазу экономической модернизации. После долгих дискуссий в январе 1914 г. правительство сфор-

⁶ Штомпка П. Социология: анализ современного общества. М., 2005. С. 474, 491.

⁷ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2003. С. 127.

⁸ Так выразился Ле Гофф о кризисе Запада в позднее Средневековье: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005. С. 6.

мулировало программу финансово-экономических реформ, призванных провести «коренные преобразования» в экономике. Ее автор — А. В. Кривошеин (1857–1921), соратник П. А. Столыпина и проводник его реформы, в 1914 г. — главноуправляющий землеустройством и земледелием. Программа получила название «нового курса», и воплощение ее в жизнь было поручено новому главе финансового ведомства П. Л. Барку. Цель курса состояла в том, чтобы переориентировать государственный бюджет с дохода от продажи водки (дававшей 26 % государственных доходов 1913 г.) на доходы от освоения природных богатств и ускоренного развития производительных сил. Курс предусматривал увеличение капиталовложений в народное хозяйство с восстановлением равновесия между сельским хозяйством и промышленностью. Эта была попытка найти компромисс между аграриями, настаивавшими на приоритетной поддержке правительством развития сельского хозяйства, и предпринимателями, добивавшимися от правительства преимущественного внимания к развитию промышленности и торговли⁹.

Принципы «нового курса» П. Л. Барк сформулировал в своей речи перед депутатами IV Государственной думы 22 апреля 1914 г.:¹⁰

1. Постепенное уменьшение в доходной части бюджета роли винной монополии, с компенсацией потери доходов за счет введения подоходного налога, повышения наследственных пошлин, гербового сбора и некоторых других пошлин и сборов, повышение цены на вино.

2. Подъем производительных сил страны путем правильно поставленного и доступного кредита. Для его развития предусматривался ряд мер: реформа Петербургской биржи, организация Сельскохозяйственного банка, планомерное строительство сети элеваторов, пересмотр Устава Государственного банка в целях усиления его самостоятельности и увеличения числа его местных отделений, распространение кредитной кооперации.

3. Развитие и улучшение путей сообщения, преимущественно железнодорожных, которые строились бы не только на казенные средства, но и частным капиталом, а также шоссейных, гужевых и водных.

4. «Новый курс» предусматривал осуществление крупных строек. В 1914 г. правительство одобрило обширную мелиоративную программу на 5 лет, 1915–1920 гг., предусматривающую строительство оросительных сооружений в Голодной степи Туркестана под хлопок, в Муганской и Мильской степях Закавказья, устройство лиманного орошения в Нижнем Поволжье, осушение земель в Верхнем Поволжье, в низовьях Днестра и Дуная, в Томской и Тобольской губерниях и на Дальнем Востоке, а также полевые изыскания в разных районах. В Европейской России предусматривалось осушение 200 тыс. дес., меры по борьбе с песками и оврагами. Для поощрения мелиоративных работ было принято решение о создании в 1915 г. Банка краткосрочного кредита и подключении Дворянского и Крестьянского бан-

⁹ О «новом курсе» см.: *Дякин В. С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 178–219; *Куликов С. В.* «Непотопляемый Барк»: финансист и политик // Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917: в 2 т. М., 2017. С. 25–32; *Сысоева Л. Н.* Государственно-политическая деятельность А. В. Кривошеина, 1905–1915 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. С. 215–245; *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 162–173.

¹⁰ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. Ч. III. СПб., 1914. Стб. 807–826.

ков к выдаче мелиоративных ссуд¹¹. Обсуждение этого проекта в Государственной думе было сорвано войной.

Был подготовлен масштабный план строительства железных дорог, сети элеваторов и крупных гидроэлектростанций и электроэнергетических объектов¹². Российские инженеры подготовили проекты некоторых из них. Проект строительства гидроэлектростанции на р. Волхов разработал Г. О. Графтио. В 1917 г. начались подготовительные работы, но революция их остановила. Проект строительства Днепротэс принадлежал И. А. Розову, Л. В. Юргевичу и Б. А. Бахметьеву. В июне 1914 г. он был одобрен Государственной думой и передан на утверждение в Государственный Совет. Его реализацию остановила война, как и строительство Волго-Донского и Беломорско-Балтийского каналов, знаменитого Турксиба — главной стройки первой пятилетки, и других. Проект Трансуральского глубоководного водного пути, соединявшего бассейн реки Волги через Каму и Чусовую с Обью Енисеем, не реализован до сих пор¹³. В советский период нередко реализовывались и другие проекты, созданные до революции, но по разным причинам не осуществленные.

А. В. Кривошеин, автор «нового курса», надеялся, что 1914 год станет «началом нового скачка в росте народного хозяйства», потому что «“Новый курс” совпадал с началом осуществления целого ряда мероприятий и завершением целого ряда процессов, плоды которых созрели бы в ближайшие годы и автоматически сменили бы уже быстрый ритм экономического роста еще более бурным»¹⁴. В частности, «новый курс» обеспечил бы завершение Столыпинской реформы. Отметим, что даже война не помешала началу реализации «Нового курса». Торговля алкогольными изделиями была прекращена 19 июля 1914 г., и, как намечалось, потери бюджета покрыты за счет установления новых и повышения некоторых из существовавших пошлин и сборов, а также благодаря введению подоходного налога 6 апреля 1916 г. Столыпинская реформа продолжалась до свержения монархии.

«Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны», — повторяли на все лады в советские годы, забывая, что проект масштабной электрификации России, названный в 1920 г. ГОЭЛРО, начал реализовываться с 1887 г. и осуществлялся очень высокими темпами вплоть до 1914 г. благодаря феноменальному росту инвестиций в «электрическую» сферу — в среднем по 20–25 % в год. Первые крупные электроэнергетические объекты, справедливо названные огромным достижением советской власти, были спроектированы до 1914 г., но их реализация была прервана Первой мировой войной и революцией, вследствие чего они были запущены в действие много позже запланированных сроков.

Развитие инфраструктуры являлось вторым важнейшим направлением имперской модернизации. И здесь советская власть продолжила дело царского правительства. С 1874 по 1917 г., за 43 года, длина железных дорог увеличилась с 18,1 тыс. км (17,0 тыс. верст) до 70,3 тыс. км (в границах СССР 1960 г.), т. е. на 52,2 тыс. км.

¹¹ Дякин В. С. Деньги для сельского хозяйства 1892—1914 гг. Аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб., 1997. С. 321, 329–330, 337.

¹² Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX в. // Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002. С. 176–177, 178–179, 179–180.

¹³ Шаховской В. Н. Sic transit gloria mundi (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж, 1952. С. 28–35.

¹⁴ Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин... С. 179.

В СССР — России за 43 года, с 1918 по 1961 г., было построено примерно столько же — 56,8 тыс. км¹⁵. Однако, если учесть, какие инвестиции были сделаны в царское время и сколько людей трудилось в строительстве железных дорог, пальму первенства придется отдать империи.

Многие считают, что культурная революция — это дело советской власти. На самом деле датой ее начала можно считать 3 мая 1908 г., когда Государственная дума приняла закон о постепенном, в течение 10 лет, введении всеобщего обязательного начального образования. Война помешала провести его в жизнь. Отмечу реалистичность и основательность этого проекта — 10 лет и поддержка государственным финансированием. Без суеты и спешки, без жертв и чрезвычайщины, столь характерных для советской культурной революции, когда в пунктах ликвидации неграмотности ставилась задача научить человека грамоте за 7 мес. Освоив грамоту в столь короткий срок, человек нередко вскоре ее забывал, так как не использовал в повседневной жизни. Перепись населения 1926 г. обнаружила, что грамотой владело не 100 % лиц в возрасте старше 9 лет (как предполагала советская культурная революция), а лишь 51 % населения, и это после 7 лет борьбы с неграмотностью. Миллионы людей, если их действительно научили грамоте, забыли ее; усилия и средства пропали даром. О малой эффективности кампании по борьбе с неграмотностью свидетельствует и тот факт, что в первое послереволюционное десятилетие, в 1917–1926 гг., грамотность населения Европейской России обоего пола в возрасте 10 лет и старше выросла на 8 пунктов (с 43 % до 51 %) — ровно настолько, насколько в последнее дореволюционное десятилетие (с 35 % до 43 %), когда она росла естественным путем¹⁶. Принудительное приобщение к культуре дало скромные результаты. Грамоту усвоили лишь те, кто в ней действительно нуждался в данный момент. Остальные ее утратили. Это наглядный пример *неэффективности* проведения самой благодетельной реформы, если она проводится против воли, насильственно, или не отвечает текущим потребностям населения.

Советская модернизация в одних аспектах отличалась от классической западной модели (приоритет государства над обществом, примат коллектива над личностью, ограничение свободы индивидуума, централизация, планирование), а в других ее напоминала (формирование рациональной, образованной, светски ориентированной личности, индустриализация, урбанизация, демократизация семьи, эмансипация женщин и детей). В кратком виде формула советской модернизации сводилась к технологическому и материальному прогрессу на основе традиционных социальных институтов. Не забывая, что всякое обобщение схематизирует действительность, можно сказать, что на какое-то время *вся страна превратилась в большую общину и во многом действовала на ее принципах*.

Если мы сравним основополагающие принципы, на которых строилась жизнь общинной русской деревни до 1917 г. и советского общества в сталинское время, то обнаружим между ними сходство. Выразим принципы общинной жизни в современных терминах: 1) коллективная форма собственности; 2) право на труд, которое община гарантировала тем, что каждый взрослый мужчина получал от нее во временное пользование участок земли; 3) право на отдых: не менее 123 дней в году,

¹⁵ Сборник сведений по России за 1883 год. СПб., 1886. С. 230; Народное хозяйство СССР в 1961 году. Статистический ежегодник. М., 1962. С. 476.

¹⁶ Миронов Б. Н. Российская империя... Т. 3. С. 482–482, 488.

включая 52 воскресенья, 30 церковных и государственных праздников и 41 местный праздник, запрещалось работать под страхом наказания; 4) право на социальную помощь бедным, старым, одиноким, а также попавшим в тяжелое положение вследствие пожара, падежа скота и других чрезвычайных обстоятельств; 5) демократический централизм: подчинение меньшинства большинству; 6) коллективная ответственность: один за всех, все за одного; 7) право на участие в общественных делах: главы семей участвовали в сходках, заседали в крестьянском суде, занимали общественные должности, важные — по выбору, а второстепенные — по очереди; 8) равенство, отсутствие существенной материальной и социальной дифференциации; 9) регламентация жизни, право общины вмешиваться в дела крестьян, включая семейные, если они вступали в противоречие с интересами общины, с традицией и обычаем; 10) тождественность прав и обязанностей: право на труд, отдых, участие в общественных делах, на помощь являлось одновременно обязанностью трудиться, отдыхать, заниматься общественными делами, помогать нуждающимся. Как можно видеть, жизнь в Советской России, как в деревне, так и в городе, стала строиться на принципах, характерных для дореволюционной русской общины, вследствие чего во всесоюзном масштабе во многих отношениях был воспроизведен социальный строй русской передельной общины¹⁷.

В данном случае мы имеем пример исторического камуфляжа, когда внешность не выявляет сущность, но скрывает ее. Вся страна превратилась в большую общину, но при этом называлась социалистическим обществом. Налицо историческая преемственность между атеистическим советским государством, внешне порвавшим с прошлым, и православной империей. Как ни парадоксально, но представления народных масс предопределили конструкции советского общества, доказывая точку зрения, что фактически государство живет «под жестокой властью масс»¹⁸. Речь идет не о том, что государство — слуга народа, полностью ему подчиненное, а о том, что самостоятельность государства имеет пределы, заданные коллективными представлениями. Совпадение принципов, на которых строилось социалистическое общество, с традиционными, столетия утверждавшимися принципами общинного общежития, и обеспечили относительный успех социалистической модернизации.

Результаты советской модернизации оказались неоднозначными. С одной стороны, индивидуализм, буржуазия, частная собственность, свободный рынок стали понятиями отрицательными; семью пытались сначала «обобществить», потом огосударствить; в различных производственных организациях типа колхоза, совхоза и государственного предприятия происходила реанимация общинных форм социальной жизни; одновременно восстанавливались патерналистская государственность, традиционное господство, а власть сакрализовалась. С другой стороны, во многих сферах наблюдался значительный прогресс. Индустриализация экономики в основном завершилась. Домашнее хозяйство отделилось от производства, промышленность с технологической точки зрения достигла современного уровня. Секуляризация массового сознания превзошла все западные стандарты. Мотивация поведения стала рациональной, система ценностей стала вполне светской и в отдельных аспектах приблизилась к западной модели. Демографический переход

¹⁷ Миронов Б. Н. Российская империя... Т. 2. С. 200–248.

¹⁸ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. С. 23.

совершился, освободив женщин от тяжелого бремени рожать детей, обреченных вскоре умереть. Получил дальнейшее развитие современный тип малой семьи, в которой супруги имеют равные права, а дети утрачивают приниженный статус. Женщины достигли равноправия с мужчинами юридически и успешно реализовывали его фактически. Социальная структура общества приобрела современный вид, социальная мобильность достигла высокого уровня, классы стали открытыми. Общество в целом проявляло большую восприимчивость к современным западным идеям, ценностям, нормам поведения. Урбанизация ускорила. Страна превратилась в преимущественно городскую; соответственно люди в массе переориентировались на ценности городской потребительской культуры. В городских поселениях община не была реставрирована, а поскольку доля городского населения неуклонно увеличивалась и к 1991 г. в Российской Федерации достигла 74%, уже сам процесс урбанизации автоматически приводил к тому, что население переходило от общинных к общественным формам организации. Однако и в деревне общинные отношения изживались. Была создана развитая социальная сфера (пенсионное обслуживание, здравоохранение, охрана детства и материнства и др.). Организована современная система начального, среднего и высшего образования, благодаря чему в интеллектуальной сфере (наука, литература, искусство) были достигнуты значительные успехи. СССР превратился в конфедерацию де-юре, и нерусские народы получили больше возможностей для развития своей культуры. С этим согласно большинство отечественных и зарубежных исследователей¹⁹. Во многих, хотя и не во всех аспектах, Советская Россия стала принадлежать к пространству модернистской культуры, а не развивающихся стран.

Слабое место советской модернизации — политические отношения. Политическая модернизация многократно увеличила вертикальную социальную мобильность, вовлекла в нее массы населения, привела к власти новую, демократическую по своему происхождению элиту. Однако прогрессивная на словах конституция и созданные ею представительные органы власти во многом выполняли декоративную функцию, права человека ограничивались, политические свободы допускались только «в интересах социализма». Государство не стало истинно правовым, общество — по-настоящему гражданским, общественные организации в значительной степени управлялись сверху.

Если бы не огромные и ничем не оправданные человеческие жертвы, советскую модернизацию можно было бы считать успешной, хотя она так же, как и имперская, закончилась кризисом и революцией — реформы начала 1990-х годов можно считать буржуазной революцией в России. Однако все институты, учреждения, идеи когда-нибудь исчерпывают свои возможности и умирают, это нормальный процесс, и он никак не свидетельствует о *принципиальной* несостоятельности этих институтов, учреждений и идей. Коллективная воля, концентрация сил и средств,

¹⁹ См. напр.: Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Рязанов В. Т. Уроки реформирования в России в контексте мирового развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 1997. Вып. 1. С. 92—104; Семенов Ю. И. Россия: что с ней случилось в двадцатом веке // Российский этнограф. Этнографический альманах. Антропология. Культурология. Социология. Вып. 5. М., 1993. С. 5—105; Холмс Л. Социальная история России: 1917—1941. Ростов н/Д., 1994; Black C. E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. New York, 1966. P. 92—123; Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution. Oxford; New York, 1982. P. 135—161; Russian and Western Civilization/ Cultural and Historical Encounters / ed. by R. Bova. New York, 2003.

готовность жертвовать личными интересами ради общественного в течение долгого времени давали свои плоды. *Успехи продолжались до тех пор, пока не были исчерпаны ресурсы коллективизма, общинности, централизации, планирования и народного энтузиазма.* В то же время реализация советской модели модернизации создала новую асимметрию между личностью, семьей, обществом и государством. В конце концов сформировавшаяся в малой демократической семье рациональная, образованная, требовательная, светски ориентированная личность плохо совмещалась с коллективной собственностью, тотальным регулированием, ограничением инициативы, недостатком гражданских и политических свобод, с общинностью социальных институтов и патерналистским государством. К середине 1980-х годов назрел социальный, экономический и политический кризис, который разрешился не гражданской войной, а реформами, *по своей глубине равноценными революции.* Реформы должны были восстановить гармонию между человеком, семьей, социальными институтами, собственностью и государством, т. е. отрегулировать социальную систему. Однако равновесие пока не достигнуто, потому что, как показывает российский опыт XVIII–XX вв., на системную трансформацию требуется два-три поколения, т. е. примерно 50–80 лет. С исторической точки зрения это небольшой срок, но с точки зрения людей, попавших под колесо этих перемен, — очень долгий, целая жизнь на индивидуальном уровне.

Сравнительный анализ имперской и советской модернизаций

Стратегии проведения имперской и советской модернизаций имеют много общего. Они проходили под влиянием внутренних потребностей российского общества и имели преимущественно эндогенный характер. При этом главными ее акторами являлись государство и элита, которые, как правило, знали больше, видели дальше и понимали потребности социума и национальные интересы страны в большинстве случаев лучше, чем народ. Выдающаяся роль государства в процессе модернизации компенсировала не только недостаток инициативы со стороны населения, часто не понимавшего необходимости реформ и не желавшего их проводить, но и дефицит капитала, образования и культуры. Характерно, что до середины XIX в. по причине малочисленности и слабости коронной бюрократии участие государства в повседневных практиках населения было незначительным — страна недоуправлялась, и налоговый пресс был сравнительно слабым. Для граждан это было комфортно, но темпы общественного развития были невысокими. Увеличение темпов экономического роста до максимальных в европейском масштабе произошло тогда, когда коронный бюрократический аппарат окреп количественно и качественно, и с эпохи Великих реформ начался настоящий дирижизм. Роль государства при проведении советской модернизации еще больше повысилась. Уровень дирижизма до некоторой степени отражает число чиновников на 1000 человек населения: в 1698 г. оно составляло 0,36, в 1857 г. — 1,66, в 1911–1914 гг. — 1,47, в 1928 г. — 6,9, в 1940 г. — 9,5, 1950 г. — 10,2, в 1985 г. — 8,7, в 2010 г. — 7,0²⁰. Однако советские дирижеры модернизации имели серьезные недостатки: они переоценива-

---

²⁰ Миронов Б. Н. Российская империя... Т. 2. С 431, 440.

ли возможности государства, недооценивали значение культурных и этноконфессиональных традиций и не считались с издержками и жертвами преобразований.

Имперское правительство (за исключением петровского царствования), как правило, использовало *стратегию постепенных последовательных системных реформ и последовательных промежуточных институтов*, которая обеспечивала управление реформаторским процессом и постепенное усвоение обществом новых институтов, создаваемых реформами. Характерный пример — Великие реформы 1860-х годов. Все новые институты (в смысле норм и стандартизованных моделей поведения, правил взаимодействия при принятии решений), необходимые для успешного развития, создавались постепенно, с оглядкой на Запад, но с учетом российской специфики. Для уменьшения вероятности институциональных дисфункций использовалась стратегия создания *последовательных промежуточных институтов*, плавно, в несколько этапов соединяющих начальную и идеальную финальную конструкции. Например, создание института частной собственности на землю в среде крестьянства в пореформенное время началось с укрепления существующей общинной собственности (путем освобождения ее от вмешательства помещиков и государственных структур), которая затем трансформировалась в личную и наконец в частную. Переход крестьянства от норм обычного права, например от коллективной к индивидуальной ответственности, от беспроцентной ссуды к процентной и т. д., также проходил в несколько этапов. Демократизация общества началась с местного управления, которое рассматривалось как предварительная стадия для перехода к парламентаризму. При выборе нового института тщательно выбиралась страна-донор, откуда заимствовался образец. Вследствие такой стратегии только к началу XX в. сложилось либеральное и адекватное российским экономическим реалиям законодательство о предпринимательской деятельности и был создан прочный институт собственности, без чего невозможно успешное экономическое развитие. В начале XX в. была принята конституция, создано представительное учреждение, благодаря чему Россия превратилась в дуалистическую конституционную монархию. Данная стратегия *последовательных промежуточных институтов* сочетала преимущества «выращивания» и «конструирования» новых институтов, предоставляла возможность управления темпом институционального строительства и препятствовала их отторжению²¹. Дирижеры советской модернизации отдавали предпочтение стратегии шоковых реформ, не останавливаясь перед огромными жертвами.

На мой взгляд, упреки имперским властям в том, что они запаздывали с проведением реформ, не состоятельны. Верховная власть начинала реформирование лишь тогда, когда это становилось крайне необходимым и проводила его в терапевтическом режиме. Подобную стратегию следует признать резонной в стране, где требования малочисленных (если не сказать микроскопических) привилегированных слоев и консервативных народных масс, составлявших свыше 95 % населения, серьезно, а иногда принципиально расходились. Находясь в оппозиции, легко требовать проведения самых радикальных передовых реформ, перекладывая ответственность за последствия на правительство. Следует помнить: когда противники монархии в феврале 1917 г. пришли к власти и осуществили лишь часть

²¹ Полтерович В. М. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 4–24.

предлагавшихся ими реформ, это привело страну к полному коллапсу и гражданской войне. Теперь многие исследователи сознают: вряд ли в феврале 1917 г. стоило торопиться со свержением монархии, а в октябре того же года — со строительством нового социалистического общества, способного быстро сделать счастливым 95 % населения.

Влияние архаичных (традиционных) структур и институтов. Постоянное балансирование между традицией и современностью составляло своеобразие как имперской, так и советской модернизаций. Оно в значительной степени обуславливалось сильным присутствием в российском социуме архаичных (традиционных) структур и институтов. В период империи они оказывали серьезное сопротивление модернизационному процессу, который проходил по траектории, представлявшей равнодействующую двух сил (векторов) — русской традиции и западного модерна. Традиционный вектор опирался на опыт Московской Руси и имел многочисленных сторонников преимущественно в деревне и в низших стратах общества. Прозападный вектор опирался сначала на опыт западноевропейских стран, а затем и на собственный опыт вестернизации и модернизации и имел свою социальную базу, главным образом в городе и в среде элиты и привилегированных слоев населения. Благодаря этому существовала возможность трех вариантов развития: традиционно русского, прозападного и их сочетания (поскольку сочетания могли быть самыми разнообразными, то и вариантов на самом деле могло быть не три, а больше; но для простоты от этого абстрагируемся). В каждый момент реализовывался один, а два других уходили как бы в подполье. Векторы развития чередовались, европейский доминировал. При этом верховная власть, главный актер модернизации, до 1905 г. была самодержавной и осуществляла преимущественно традиционно-харизматическое господство, опираясь на веру в законность и священность и богоустановленность издревле существующих порядков (и властей) и на харизму императора (на веру в его исключительные качества и личную ему приверженность в силу веры и присяги). Однако законы, исходившие от императора, играли важную роль в управлении, поэтому господство было также и легальным. Таким образом, в период империи верховная власть являлась одновременно традиционной, харизматической и легальной, но соотношение элементов после 1905 г. изменилось в пользу легальности и, значит, рациональности. И хотя вектор развития государственности в период империи состоял в усилении легального господства (важного признака политической модерности), власть и осуществляемое ею господство содержали существенные архаические элементы, что сказалось на содержании и темпах модернизации.

В советский период оба вектора развития — традиционный и современный — продолжали сосуществовать. Реализуемое большевиками господство также во многом сохраняло традиционно-харизматический характер, поскольку высшие руководители страны являлись харизматическими лидерами. Власть сакрализовалась. Народ во многом сохранял традиционные коллективные представления, что, как и до революции, могло стать фактором серьезного социокультурного сдерживания процесса модернизации. Но большевики, опираясь именно на архаику массового сознания и используя понятные массам традиционно-харизматические методы господства, направили антимодернистскую энергию масс в русло советской модернизации — на реализацию утопического проекта построения коммунистиче-

ского общества. Это и обеспечило как выдающиеся достижения модернизации, так и неполноту реализации идеального либерального проекта европейской модернизации. Многие важнейшие задачи идеальной европейской модернизации были к концу советского периода все же решены, архаика в семейных, общественных и политических отношениях по большому счету преодолена. Россия поднялась до уровня современности в принципиальных аспектах общественной жизни. Огромное большинство населения захотело жить в современном обществе, включая даже тех, кто в своем индивидуальном развитии не достиг еще уровня современности. Благодаря этому в постсоветский период общество смогло вернуться к либеральному проекту без возможности рецидива и завершить модернизацию. Об этом говорит тот факт, что в постсоветский период большинство населения не желало реставрации советской политической системы²². Процент ностальгирующих по советскому прошлому колебался по годам от 24 % в 2008 г. до 48 % в 2003 г. и в среднем за 1992–2016 гг. составил 38 %²³.

Нельзя игнорировать, что наличие архаики в ментальных, социальных и экономических структурах стало причиной антимодернистских настроений, которые время от времени охватывали российский социум. Характерный пример дает революция 1917 г. Она не ограничилась разрушением остатков старого режима, как это было во время революций в Европе в 1789–1848 гг., она разрушила также и возводившееся здание нового общества и стала во многих отношениях антимодернистской. *Большинство крестьян участвовали в революции во имя восстановления попорченных ускоренной модернизацией традиционных устоев народной жизни.*

Три фактора способствовали тому, что революция 1917 года в некоторых отношениях стала антимодернистской: мировая война; сохранение в среде большей части русского крестьянства и рабочих социальных институтов, права и менталитета традиционного типа; полиэтничность Российской империи. Революция свершилась под четырьмя лозунгами: земля — крестьянам, фабрики — рабочим, мир — народам, власть — трудящимся. Важнейшим среди них был призыв к всеобщей экспроприации собственности и перераспределению ее между работниками города и деревни, объединенными в общины, артели и другие подобные ассоциации. Прекращение войны и свержение существующей власти играли вспомогательную роль — надо было убрать два препятствия, которые мешали экспроприации собственности. Главные социальные лозунги революции есть не что иное, как призыв к «черному (всеобщему. — Б. М.) переделу». В них нашел свое выражение традиционный крестьянский принцип — «земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает», видоизмененный в новых условиях в «собственность принадлежит трудящимся». Участники революции были равнодушны к фундаментальным принципам буржуазного общественного порядка. И это не случайно: большинство народа участвовало в революции во имя восстановления попорченных ускоренной модернизацией традиционных устоев народной жизни. «Русская революция враждебна культуре,

²² Предпочтительные модели экономической и политической систем. URL: <http://www.levada.ru/2016/02/17/predpochtitelnye-modeli-ekonomicheskoy-i-politicheskoy-sistem/> (дата обращения: 17.06.2017). Согласно опросам Левада-центра, проведенным в 1992–2016 гг. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения, статистическая погрешность данных не превышает 3,4 %.

²³ Сорок шесть процентов россиян симпатизируют Сталину. URL: <http://www.vecherka.ee/788045/46-procentov-rossijan-simpatiziruyut-stalinu> (дата обращения: 01.09.2017).

она хочет вернуть к естественному состоянию народной жизни, в котором видит непосредственную правду и благость», — констатировал Н. А. Бердяев²⁴. Анти-модернистский характер революции ярко проявился в том, что в 1917–1918 гг. народ намеренно сжигал сотни музеев и тысячи помещичьих усадеб, а также книги, ноты, музыкальные инструменты, произведения искусства, постельное белье, gobelены, фарфор — все, что символизировало европейскую культуру и напоминало о дворянстве. И в селах, и в городах подобные действия носили символический характер: уничтожение остатков «проклятого прошлого», освобождение пространства от «чуждых элементов». Для описания процесса уничтожения высеченных и вылепленных образов царей и генералов прошлого, имперских регалий и эмблем, зданий и названий был изобретен специальный термин — «деромановизация»²⁵. Разрушение культурных ценностей во время революции напоминало разрушение машин, а иногда и целых фабрик луддитами во время промышленной революции в Англии в 1760–1820 гг.; рабочие таким образом протестовали против наступления индустриальной эры и хотели вернуться в прошлое²⁶. Антимодернистские настроения среди широких масс населения наблюдались также в советский и постсоветский периоды.

Российская специфика модернизации. Как показывает российский и мировой опыт, национальная специфика в принципе имеет свои ограничения для модернизации, но не отменяет общие закономерности. В целом Россия модернизировалась по общеевропейской модели, но с важными особенностями, обусловленными обстоятельствами старта, геополитической обстановкой, природными ресурсами, общекультурными возможностями развития и наличием сильных элементов архаики в обществе²⁷. Однако идея о самобытном, ни на кого не похожем пути развития России, по моему мнению, сильно преувеличивает нашу специфику и ведет в тупик: отрицается сама возможность модернизации как чуждого российским традициям процесса²⁸. Гипертрофированное подчеркивание российской специфики озадачивает не только многих россиян, но и нероссиян²⁹ и по большому счету чревато искусственным отрывом России от большой Европы и самоизоляции. На киевском майдане зимой 2014 г. я читал написанный от руки постер: «Умом Россию не понять, Аршином общим не измерить: У ней особенная стать — В Россию можно только верить. Российский поэт Тютчев.

— Нащо мені у таку непонятку? Пересічний українець»³⁰.

²⁴ Бердяев Н. А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М, 1991. С. 283. — Такую же цель вернуться к более древнему общественному строю преследовали крестьянские движения во Франции XVII в.: *Mousmier R. Peasant Uprising in Seventeenth Century France, Russia and China*. New York; Evanston, 1970. P. 305–348.

²⁵ *Стайтс Р.* Русская революция и культура и ее место в истории культурных революций // *Анатомия революции* / ред. В. Ю. Черняев. СПб., 1994. С. 373–374.

²⁶ *Bailey V. J. The Luddite Rebellion*. New York, 1998.

²⁷ *Нуреев Р. М., Латов Ю. В.* Институциональные ограничения догоняющего развития императорской России // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2007. Т. 5, № 2. С. 80–99.

²⁸ *Иноземцев В.* О невозможности модернизации России // *Российская модернизация: размышления о самобытности* / ред. Э. А. Паин, О. Д. Волкогонов. М., 2008. С. 145–165.

²⁹ *Паин Э.* Особенности российской модернизации и их историческая природа // *Российская модернизация: размышления о самобытности* / ред. Э. А. Паин, О. Д. Волкогонов. М., 2008. С. 15–45.

³⁰ Зачем мне в такую непонятку? Рядовой украинец.

Вопрос об особенностях имперской и советской модернизаций является дискуссионным и имеет обширную историографию³¹. Остановлюсь лишь на некоторых распространенных оценках, которые вызывают у меня сомнения или представляются неверными.

Датировка российской модернизации неопределенна в значительной степени потому, что во многих работах термин «модернизация» употребляется в нескольких смыслах одновременно и без объяснения. Это девальвирует важный термин и вносит путаницу в анализ. Например, К. В. Самохин начинает российскую модернизацию с Петра I, когда под влиянием Северной войны якобы начался «переход империи от аграрного общества к индустриальному». Война, по его мнению, предопределила формирование элементов рыночной экономики, заложила основы для процессов социальной мобильности и урбанизации российского общества; повлияла на изменение ценностных установок преимущественно дворянского сословия; создала условия для складывания правового государства и гражданского общества. Близкую позицию занимает Е. М. Скворцова. В данном случае авторы имеют в виду модернизацию в смысле совершенствования общества путем реформ, внедрение инноваций, преодоление отсталости, но называет это переходом от аграрного общества к индустриальному и от традиционного общества к современному. Однако, как известно, промышленная революция — важнейший двигатель модернизации в Европе началась не в России, а в Великобритании только в последней трети XVIII в. Применительно к России XVIII в. в лучшем случае можно говорить о создании предпосылок для промышленной революции и перехода от аграрного общества к индустриальному³².

С точки зрения многих исследователей, *авторитарное сверхбюрократизированное государство* блокировало или препятствовало модернизации³³. «На российской почве постоянно самовоспроизводилась система авторитаризма, в основе которой — «патерналистская матрица», полувоенное устройство социума и государственной власти, мобилизационная модель развития. При этом, увы, ценности свободы и человеческого достоинства всегда оставались на втором плане»³⁴. Как показал мой анализ, государство было лидером модернизации, но в имперский период *слабый* (а не сильный!) административный ресурс долгое время не позволял

³¹ См., напр.: *Гавров С. Н.* Модернизация России: постимперский транзит М., 2010; *Голубев А. В.* Российская модернизация: советский этап // Вехи минувшего. Ученые записки исторического факультета. Вып. 7. Липецк, 2012. С. 233–250; *Опыт российских модернизаций, XVIII–XX вв.* / ред. В. Алексеев. М., 2000; *Родригес А. М., Леонов С. В., Пономарев М. В.* История XX века: Россия — Запад — Восток. М., 2008; *Российская модернизация: размышляя о самобытности* / ред. Э. А. Паин, О. Д. Волкогонов. М., 2008; *Сенявский А. С.* Модернизационные концепции и их потенциал в изучении российской истории // История России: теоретические проблемы. Вып. 2. Модернизационный подход в изучении российской истории. М., 2013. С. 7–63; *Травин Д., Маргария О.* Европейская модернизация: в 2 кн. СПб.; М., 2004; и многие другие.

³² *Самохин К. В.* Процессы модернизации в послепетровской России XVIII века // Современные исследования социальных проблем (электронный журнал. № 9 (17). 2012. URL: <http://www.geenactor.ru/ARH/PDF/Samoxin.pdf> (дата обращения: 01.09.2017); *Скворцова Е. М.* Проблемы модернизации России: опыт историко-экономического анализа // Гуманитарные науки. 2014/4. С. 42–51.

³³ *Волкогонова О.* Российская модернизация и опасности авторитаризма // Российская модернизация: размышляя о самобытности / ред. Э. А. Паин, О. Д. Волкогонов. М., 2008. С. 46–59; *Кржевов В.* Циклы российской модернизации: всевластие бюрократии как причина незавершенности реформ // Там же. С. 60–88.

³⁴ *Шевелев В. Н.* Все могло быть иначе: альтернативы в истории России. Ростов н/Д., 2009.

компетентно управлять процессом. Неверно думать, что дирижизм всегда вреден, дело в его качестве, в силе гражданского общества и в культуре населения. В имперский и советский периоды сильное государство и грамотный дирижизм нередко служили двигателями модернизации. История европейских стран в Новое и новейшее время дает аналогичные примеры успешных преобразований именно при сильных авторитарных режимах, осуществлявших компетентное управление. Например, во Франции, Германии и Австро-Венгрии удачные реформы были проведены королевской властью, а периоды демократии оказывались связанными с катастрофической инфляцией и началом деструктивных процессов в экономике (эпоха Великой французской революции; Германия после Первой мировой войны; Австрия, Венгрия и Польша после распада монархии Габсбургов). Похожим образом развивались события в Испании, Португалии, странах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии³⁵. Возможно, более важным является вопрос не о том, кто должен управлять обществом — бюрократия, средний класс, пролетариат, аристократия, буржуазия и т. д., а вопрос о том, каким образом следует управлять обществом, чтобы наилучшим способом обеспечить общее благо.

В последние годы приобрел популярность тезис о *мобилизационной модели развития*: едва ли не со времени возникновения русского государства и до конца советской эпохи развитие проходило якобы при сверхконцентрации имеющихся в распоряжении государства скромных ресурсов, при сверхэксплуатации населения и сверхнапряжении государственного аппарата и всех звеньев общества в целом. Мобилизационный тип развития общества оказывает влияние на все сферы жизни, в том числе на экономическое развитие и формирование элиты³⁶. Ввиду малочисленности бюрократии и неразвитости инфраструктуры мобилизационная модель представляется мне неадекватной российской действительности в московский и имперский периоды, хотя, вероятно, она соответствовала характеру развития России в 1920–1950-е годы. Как мог Петр I заставить работать население в мобилизационном режиме при наличии 4,5 тыс. чиновников, при неразвитой инфраструктуре, без телефона и телеграфа, при уровне грамотности 2 % в деревне и 8–9 % в городе!³⁷

Вызывает серьезное сомнение и популярное представление о *маятниковом, инверсионном характере процесса российской модернизации*. Сторонники данной точки зрения полагают, что в стране уже 300 лет кратковременные либеральные оттепели сменяются длительными консервативными заморозками, что за проведением реформ всегда следуют так называемые контрреформы, фактически упраздняющие результаты реформ. Этот своего рода бег по кругу некоторыми оценивается как «рецидивирующая модернизация»³⁸. На самом деле контрреформы не отменя-

³⁵ Травин Д., Маргария О. Европейская модернизация. Кн. 1. С. 91.

³⁶ См., напр.: Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М, 2006. С. 17–40; Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов II Всероссийской научной конференции / ред. Г. А. Гончаров, С. А. Баканов. Челябинск, 2012.

³⁷ Миронов Б. Н. Российская империя... Т. 2. С. 423–490.

³⁸ Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М, 1999; Филатов В. П. Особенности либерализации и модернизации России во второй половине XIX — начале XX в. в контексте европейского развития // Историко-экономические исследования. 2006. Т. 7, № 2. С. 57–76.

ли проведенные реформы, а либо их корректировали, либо снижали темпы изменений, либо откладывали на определенный срок их реализацию. На мой взгляд, можно говорить о циклическом, а не о рецидивирующем характере реформирования. Если бы Россия развивалась по алгоритму «вперед — назад», или «реформы — контрреформы»³⁹, то Россия являла бы собой отсталую автократию, бегущую на месте. Между тем страна быстро развивалась во всех отношениях. Смена правительственного курса с либерального на консервативный не означала возрождения того, что упразднялось реформами. Проведенные в либеральные периоды структурные реформы преобразования являлись, как правило, необратимыми; правительство редко от них отказывалось. То, что прогресс шел с зигзагами и задержками, а иногда и с отступлениями, нормально для любой европейской страны, где за революциями всегда следовала контрреволюция. В России дело осложнялось тем, что государство шло впереди общества, проводя реформы, обгонявшие его возможности их ассимилировать, преодолевая сопротивление сильных элементов архаики, имевшихся в обществе и государстве. Это приводило к тому, что останавливаться или отступать надо было чаще, чтобы дождаться, пока общество созреет до проведенных реформ. Но процесс реформирования всегда возобновлялся с новой силой с той точки, на которой он остановился. Как назвать такой прогресс — линейным, параболическим, ритмическим, дуалистическим, инверсионным, циклическим? Я предпочитаю говорить о нормальном и органическом прогрессе. Нормальном — потому, что именно нормальное развитие состоит из чередований фаз подъема и упадка, расцвета и кризиса. Органическом — потому, что хотя государство и забегало вперед общества, оно действовало в соответствии с его интересами и наметившимися тенденциями, которые замечало быстрее и раньше, чем общество.

В западных демократиях чередование либерального и консервативного правительственного курса с корректировкой реформ предшественников, находившихся у власти, также являлось нормой. Например, в Великобритании XVIII–XIX вв. к власти попеременно приходили то тори, то виги, и в течение двух столетий наблюдалось постоянное противостояние между ними. Аналогичная борьба между демократической и республиканской партией наблюдалась и в США во второй половине XIX–XX в.⁴⁰ Однако никому даже в голову не приходит говорить о реформах и контрреформах или о рецидивирующей модернизации применительно к этим странам. Замечу также: в западноевропейских странах переход к модерну особенно интенсивно происходил в 1770–1870 гг., причем до 1848 г. шла острая борьба между старым и новым; лишь с 1870 г. процесс модернизации стал необратимым и только в течение первой половины XX в. завершился в большинстве стран современного Европейского союза, и то лишь в основных чертах⁴¹.

³⁹ Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России: циклы модернизационного процесса / ред. В. В. Ильин. М., 1996; Пантин В. И., Лапкин В. В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна, 2006. С. 333–398; Розов Н. С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // Полис. 2006. № 2. С. 74–89.

⁴⁰ Созрин В. В., Зверева Г. И., Репина Л. П. Современная историография Великобритании. М., 1991. С. 182–207; Шлезингер А. М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 41–77.

⁴¹ Gillis J. R. The Development of European Society: 1770–1870. Washington, 1983. P. XI–XVI.

Многими исследователями подчеркивается *насильственный и элитарный характер имперской модернизации*, когда народ являлся статистом и подчинялся реформам только по необходимости и слабости⁴². С этим трудно согласиться.

Управление процессом модернизации со стороны государства не означает, что общество являлось только объектом дирижизма. Тихое и массовое сопротивление в состоянии блокировать реформы, когда они не имеют поддержки среди достаточно широких слоев населения, причем с тем же успехом, что и выступление активное, с оружием в руках. Об этом говорит неудача Петровских реформ, менявших народный быт по западноевропейскому образцу, вследствие полного отсутствия отклика у народа. Чтобы непопулярные у народа реформы могли войти в практику, они должны опираться если не на большинство, то по крайней мере на значительную часть населения. Пример тому — Столыпинская реформа, государство сумело ее запустить благодаря поддержке со стороны трети крестьян.

Либеральный имперский проект модернизации достаточно успешно реализовывался в пореформенный период усилиями государства и элиты, несмотря на сопротивление большей части крестьян и рабочих. Но лишь до тех пор, пока государство сохраняло контроль над его реализацией. Когда же во время революции 1917 г. государство контроль потеряло и наступила диктатура масс, или, как сказал Ортега-и-Гассет, «торжество гипердемократии, при которой масса действует непосредственно, вне всякого закона и с помощью грубого давления навязывает свои желания и вкусы»⁴³, сначала монархия, а затем и Временное правительство, провалившие демократические реформы, были сметены вместе с их либеральными проектами. Последние были заменены социалистическим проектом потому, что он гармонизировал как с глубинными коллективными представлениями народа и значительной части интеллигенции, так и с тогдашними настроениями и желаниями широких масс. Это позволило продолжить модернизацию по советскому варианту. В свою очередь, советский проект (после того, как исчерпал себя!) был заменен новым либеральным проектом именно благодаря народной поддержке.

Таким образом, в периоды революционных подъемов контрэлита поддерживала, стимулировала и эксплуатировала революционный энтузиазм народа, но и народ использовал контрэлиту для реализации своих целей. Когда же народ безмолвствовал, он также не был статистом, потому что использовал оружие слабых — повсеместное сопротивление в виде мелкого саботажа, кражи, порчи имущества, распространения сплетен и анекдотов про власть и т. п. Подобный тип сопротивления всегда присутствует в авторитарных системах, когда массовый публичный протест затруднен или невозможен вследствие отсутствия у недовольных ресурсов, необходимых для открытой борьбы. Рутинное сопротивление является эффективной формой борьбы, которое удерживает власть от злоупотреблений и при благоприятных обстоятельствах становится основой для коллективной мобилизации⁴⁴. Прекрасно сознавая силу сопротивления молчаливых масс, институционалисты оценивают лобовое шоковое реформирование как малоперспективное, потому что

---

⁴² Сенявский А. С. Модернизационные концепции и их потенциал в изучении российской истории // История России: теоретические проблемы. Вып. 2. Модернизационный подход в изучении российской истории. М., 2013. С. 7–63.

⁴³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. С. 21.

⁴⁴ Scott J. C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven, 1985.

укорененные в обществе институты, носителями которых является молчаливое большинство, парализуют реформы. Для уменьшения институциональных дисфункций они предложили стратегию последовательных промежуточных институтов, в несколько этапов соединяющих начальную и задуманную их конструкцию.

Категорически не согласен с утверждением, что *имперская и советская модернизации оказались провальными*, поскольку закончились полным крахом и революцией. «Наша историческая беда заключается в том, что российская модернизация способствует не столько вхождению России в модернность, сколько укреплению феодально-имперских оснований культурно-цивилизационной системы», — пытается доказать С. Н. Гавров⁴⁵. «Имперская модель исторически провалилась, окончившись революционным взрывом», — полагают Т. М. Братченко и А. С. Сениявский⁴⁶. «Обе модели привели к краху существовавших систем (имперская — “снизу”, в результате революции; советская — сверху, в результате демонтажа и актуализации конфликтного потенциала общества)»⁴⁷. Революционное завершение какого-либо проекта не является доказательством его несостоятельности. Все институты и структуры со временем подвержены моральному износу, но не могут добровольно и стихийно изменяться, так как в них существуют имманентно присущие им отношения, препятствующие гибкому приспособлению социума к изменившимся условиям — их называют *встроенными ограничителями*. Влияние ограничителей по общему правилу преодолевается в ходе реформ «сверху». Общество, вступившее в эпоху преобразования институциональной системы, становится социально нестабильным и попадает в зону риска: мирный эволюционный путь всегда проходит долго, болезненно и противоречиво. С его окончанием общество выходит из зоны риска. Если же нет, то тогда происходит революция, которая насильственным путем разрушает встроенные ограничители, мешающие адаптации, и тем самым открывает дорогу утверждению новой институциональной системы⁴⁸. Таким образом, кризис социума может быть болезнью роста и свидетельствовать о его развитии. Именно такое понимание кризиса соответствует состоянию российского общества в конце XIX — начале XX в. или советского общества в 1980-е годы.

Еще менее убедительно представление о *принципиальной неспособности стран к модернизации в классическом европейском смысле*⁴⁹. На самом деле экономика, общество и государство в XVIII–XX вв. поступательно развивались, хотя движение неоднократно прерывалось войнами и общественными смутами. В результате Россия органически и на равных вошла в мировую политическую и экономическую систему, и мы имеем полное основание говорить о *трехвековой гиперцикле в развитии страны*⁵⁰. Но, говоря о состоятельности российских проектов модернизации, необходимо четко сознавать, что «исторический путь — не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота,

⁴⁵ Гавров С. Н. Модернизация во имя империи...

⁴⁶ Братченко Т. М., Сениявский А. С. Имперская и советская модели экономического развития: сравнительный анализ // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 6. С. 31–37.

⁴⁷ Сениявский А. С. Модернизационные концепции...

⁴⁸ Стародубровская И. В., Мау В. А. Великие революции: от Кромвеля до Путина. 2-е изд. М., 2004. С. 27–50, 65–68, 417–456.

⁴⁹ Иноземцев В. О невозможности модернизации России. С. 164–165.

⁵⁰ Этот тезис основательно аргументирован в моей книге «Российская империя».

то через дебри»⁵¹. В России, как и везде, высокие темпы и успехи модернизации создавали новые противоречия, порождали неведанные прежде проблемы, вызывали временные и локальные кризисы, которые при неблагоприятных обстоятельствах перерастали в революции, а при благоразумии правящего класса могли бы благополучно разрешиться. Революции XX в. можно считать побочным продуктом успешных модернизаций.

Вызывает сомнение *противопоставление имперской и советской модернизаций*. Эту идею четко проводит, например, известный исследователь модернизационных процессов А. С. Сенявский: «Специфика модернизаций позволяет говорить о двух качественно разных моделях — имперской (либерально-консервативной) и советской (идеологической, партократической, этатистской, патерналистской, мобилизационной). Дореволюционная модель была вестернизаторской и элитарной (оторванной от социокультурной почвы), реактивной (реагировала с большим опозданием, под давлением внешних угроз) на перезревшие проблемы; советская опиралась на большинство населения, использовала долговременную стратегию, вплоть до 1970-х гг. была опережающей, владела исторической инициативой в мировом масштабе. Советская модель успела переродиться из мобилизационной и социально-консолидирующей в консервативную, тормозящую развитие, провоцирующую социальную напряженность»⁵².

Имперская модернизация также была идеологической (хотя и не марксистской), так как все ее акторы откровенно поддерживали определенную идеологию; она являлась патерналистской (думаю, не требует комментариев) и этатистской (построенной на дирижизме). Она также являлась по-своему партократичной, поскольку партократия означает «политический строй, при котором верховная политическая государственная власть (законодательная, исполнительная и судебная) фактически сосредоточена в руках единственной партии, встроенной в государственную систему, а вернее — *в руках партийной бюрократии*» (курсив мой. — Б. М.)⁵³. Коронная бюрократия (как назывался государственный аппарат управления, подчиненный монарху и обязанный ему клятвой верности) по организации и стилю управления приближалась к партократии — до 1905 г. в значительной степени и до 1917 г. в некоторой степени.

Имперская модернизация не была элитарной. Она охватила образованные слои, верхние страты, значительную долю городского населения и часть крестьянства, которая поддержала Столыпинскую реформу. Перечисленные группы населения частично пересекались, поэтому их процент в общей численности населения вряд ли превышал 30–35 — это, конечно, больше, чем элита. Но, разумеется, воздействие советской модернизации оказалось более глубоким и всеобъемлющим, поскольку она охватила весь социум. В то время как имперская модернизация львиную долю населения, проживавшего преимущественно в деревне, затронула слабо, причем значительная ее часть встретила принципиальные модернизационные процессы либо негативно (например, коммерциализацию, социальную и имущественную буржуазную дифференциацию), либо индифферентно. Впрочем, на опреде-

⁵¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. VII. М., 1950. С. 922–923.

⁵² Сенявский А. С. Модернизационные концепции...

⁵³ Словарь терминов и понятий по обществознанию / автор-сост. А. М. Лопухов. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 272.

ленных этапах советской модернизации власть отрывалась от социокультурной почвы, поскольку поставленные ею задачи и цели не разделялись большинством или значительной частью населения. И по сути своей она также была реактивной и «вестернизаторской», потому что лозунг «Догнать и перегнать Запад» не выходил из повестки дня социалистического строительства и оставался актуальным до конца советского режима. Но я согласен с А. С. Сенявским в том, что обе модернизации были похожи по целям, средствам и условиям проведения.

Некоторые итоги

Советская модернизация являлась продолжением имперской по целям, средствам, результатам, обстоятельствам, в которых они происходили. Но она, вероятно, обеспечила менее высокие темпы развития и обошлась обществу более дорогой ценой, чем позднеимперская модернизация. То, что советская модернизация сменила имперскую после военной революции 1917 г., а постсоветская сменила советскую после мирной революции 1991–1993 гг., не означает, что обе модернизации не состоялись и потерпели крах. По своим результатам имперская и советская модернизации являются в целом достаточно успешными проектами, хотя они и не оправдали всех возлагавшихся на них задач и надежд. Благодаря им произошло сближение России и Запада и сокращение в уровне общекультурного и экономического развития. В советский период сближение России и Запада происходило с двух сторон. Россия стала урбанистическим, индустриальным, светским, образованным обществом. Запад хотя и развивался в направлении либеральной демократии и рыночной экономики, тем не менее усвоил идеи регулируемой экономики, социального государства, или государства всеобщего благоденствия, практику идеологической обработки населения и тотального контроля и многие другие советские ноу-хау.

Авторитарная власть (самодержавие или советский авторитаризм) совместима с прогрессом, по крайней мере на определенном этапе развития страны. Не следует демонизировать авторитарный стиль управления, в действительности имеющий определенные преимущества. В современном менеджменте во всех странах он используется наряду с двумя другими — демократическим и либеральным. Мировой опыт показывает, что все они имеют достоинства и недостатки, их эффективность обуславливается обстоятельствами и культурно-психологическим профилем участников управления.

Модернизация первой волны в самых развитых странах проходила спонтанно, как процесс самоорганизации и саморазвития, к которому способны большие сложные социумы, под влиянием изменившихся условий жизни и геополитических факторов⁵⁴. Им приходилось изобретать, методом проб и ошибок искать новые институты и структуры, новые пути. В странах второй волны модернизации появилась возможность воспользоваться достижениями лидеров. Однако и они нуждались в креативности последователей. Модернизация каждой большой страны проходила по особому сценарию, поскольку буквально заимствовать структуры и институты продвинутых стран было малоэффективно или даже разруши-

⁵⁴ Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука М., 1983. С. 158.

тельно. В каждом социуме есть определенная предзаданность, обусловленная его конструкцией (институтами), в соответствии с которой акторы социума делают отбор из множества институтов (культур), существующих в окружающей среде, методом проб и ошибок, который является универсальным для всех живых организмов. Изменять надо то, к чему общество в значительной мере готово, и не шокowymi реформами, а терапевтическим путем. Забегание вперед, мания модернизации и реформирования особенно заметно обнаружили свою неэффективность после Второй мировой войны в развивающихся странах, вызвав разрушительные последствия¹⁴. Российский и мировой опыт модернизации убедительно свидетельствуют в пользу правоты сторонников рационального сочетания универсализма и партикуляризма,

Теория модернизации применительно к России XVIII–XX вв. не устарела, как думают некоторые коллеги⁵⁵, потому что Россия не достигла еще в полной мере уровня модерности и ее развитие сравнительно с другими европейскими странами не слишком оригинально. Пока никто не доказал, что развитие общества может обеспечить движение в каком-либо ином направлении, чем от аграрного традиционного общества к промышленно-городскому современному минуя модернизацию. Не опровергнуто также наличие тренда к увеличению числа степеней свободы у индивидуума. Теория пока достаточно удовлетворительно справляется с объяснением развития страны в последние три столетия⁵⁶. Это, конечно, не означает, что она навсегда останется вершиной научной мысли. Спрос на новые подходы существует, и они предлагаются, но пока не составляют серьезной конкуренции теории модернизации. О моральном износе теории можно говорить применительно к современным постиндустриальным (информационным) обществам или к современным слаборазвитым странам, поскольку первые решили задачи модернизации и перешли на новый уровень развития, а вторые не являются ранними версиями современных обществ, но как бы законсервировались в своем развитии, сохраняя свои национальные особенности и структуры. Их развитие лучше характеризует теория зависимости или теория зависимого развития. В условиях глобализации и неокOLONIALИЗМА слаборазвитые государства занимают зависимые позиции в системе мировой экономики. Их экономическая отсталость и политическая нестабильность — следствие их интеграции в мировую экономику и систематического давления развитых держав. Последние увековечивают их отсталость, блокируя попытки освободиться от зависимости и встать на путь истинной модернизации, используя различные способы — монополизацию рынков, экономическое воздействие (посредством финансов, патентов на технологии и т. п.) и санкций, прямое политическое (в СМИ, образование, культуру и т. д.) и военное вмешательство. В результате развивающиеся страны «периферии» беднеют, их ресурсы, капитал и образованные кадры утекают в богатые страны «центра», в силу чего они имеют мало шансов по-настоящему модернизироваться. Немногим государствам удалось избежать этой участи — Гонконгу, Сингапуру, Тайваню и Южной Корее. Мотив стратегии блокирования очевиден: малоразвитые страны обеспечивают развитые природными ресурсами, дешевой рабочей силой и рынками сбыта, без чего по-

⁵⁵ Булдаков В. П. Модернизация в России: гири на ногах прогресса // Вестник Тверского государственного университета. История. 2016. № 4. С. 76–96.

⁵⁶ Сенявский А. С. Модернизационные концепции... С. 7–63.

следние не имели бы возможности поддерживать высокий уровень жизни своего населения⁵⁷.

Институционалисты предложили концепт колеи, или зависимости от предшествующего развития, иначе — зависимость будущего развития от пройденного пути (Path Dependence). Каждая страна имеет свою историческую колею и, как правило, ее не покидает. Объективный анализ показывает: Россия в течение своей тысячелетней истории, несомненно, развивалась как европейская страна. Глобальные факторы социальной эволюции общества, по крайней мере после принятия христианства, были общими у русских и других европейцев. Российские национальные традиции и ценности находились в рамках европейских. Все российские общественные институты, под которыми в современном институционализме имеются в виду *формальные и неформальные правила и ограничения*, структурирующие взаимодействие людей и учреждений, являлись *по сути* европейскими. В России не было и нет ни одного института, который бы не встречался в какой-нибудь европейской стране. В период империи, в советское и постсоветское время Россия и другие европейские страны развивались по особенно близким траекториям. Вестернизация страны нередко становилась государственной политикой. Европейский вектор ее движения и конвергенция с Западом были и до сих пор очевидны. Основываясь на концепте колеи и принимая европейский вектор развития России за доказанный факт, можно с очень высокой вероятностью сказать: у России, как европейской страны, общее будущее с остальной Европой, ее ближайшее будущее будет определяться европейской траекторией развития, но эта траектория будет зависеть и от России.

References

- Bailey B. J. *The Luddite Rebellion*. New York, New York University Press, 1998, 182 p.
- Berdiaev N. A. Dukhi russkoi revoliutsii. *Vekhi. Iz glubiny*. Moscow, Pravda Publ., 1991, 606 p. (In Russian)
- Black C. E. *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*. New York, Harper & Row Publ., 1966, 207 p.
- Bratchenko T. M., Seniavskii A. S. Imperskaia i sovskaia modeli ekonomicheskogo razvitiia: sravnitel'nyi analiz. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 2009, vol. 11, no. 6, pp. 31–37. (In Russian)
- Buldaikov V. P. Modernizatsiia v Rossii: giri na nogakh progressa. *Vestnik Terskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, 2016, no. 4, pp. 76–96. (In Russian)
- Chernyshevskii N. G. *Polnoe sobranie sochineniy*. In 15 vols. Vol. VII. Moscow, Goslitizdat Publ., 1950, 1096 p. (In Russian)
- Diakin V. S. *Burzhuaizii, dvorianstvo i tsarizm v 1911–1914 gg. Razlozhenie tret'eiuus'koi sistemy*. Leningrad, Nauka Publ., 1988, 229 p. (In Russian)
- Diakin V. S. *Den'gi dlia sel'skogo khoziaistva 1892–1914 gg. Agrarnyi kredit v ekonomicheskoi politike tsarizma*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1997, 355 p. (In Russian)
- Erasov B. S. Odnomernaia logika rossiiskikh modernizatorov. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1995, no. 2, pp. 68–78. (In Russian)
- Evoliutsiia kontseptsii modernizatsii vo vtoroi polovine XX veka [N. E. Tikhonova i dr.]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, 2007, no. 25, pp. 22–47. (In Russian)
- Filatov V. P. Osobennosti liberalizatsii i modernizatsii Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX vv. v kontekste evropeiskogo razvitiia. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniia*, 2006, vol. 7, no. 2, pp. 57–76. (In Russian)
- Fitzpatrick Sh. *The Russian Revolution*. Oxford; New York, Oxford University Press, 1982, 181 p.

⁵⁷ Семенов Ю. Философия истории... С. 205–211, 487–492.

- Gaman-Golutvina O. V. *Politicheskie elity Rossii. Vekhi istoricheskoi evoliutsii*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, 446 p. (In Russian)
- Gavrov S. N. *Modernizatsiia Rossii: postimperskii transit*. Moscow, MGUDT Publ., 2010, 268 p. (In Russian)
- Gillis J. R. *The Development of European Society, 1770–1870*. Washington, University Press of America, 1983, 300 p.
- Golubev A. V. Rossiiskaia modernizatsiia: sovetskii etap. *Vekhi minuvshogo. Uchenye zapiski istoricheskogo fakul'teta*. Vol. 7. Lipetsk, Lipetsk State University Press, 2012, pp. 233–250. (In Russian)
- Gregori P. *Ekonomicheskii rost Rossiiskoi imperii (konets XIX — nachalo XX v.)*. *Novye podscheti i otsenki*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003, 256 p. (In Russian)
- Il'in V. V., Panarin A. S., Akhiezer A. S. *Reformy i kontrreformy v Rossii: tsikly modernizatsionnogo protsesssa*. Ed by V. V. Il'in. Moscow, Moscow State University Press, 1996, 398 p. (In Russian)
- Inozemtsev V. O nevozmozhnosti modernizatsii Rossii. *Rossiiskaia modernizatsiia: razmyslhiaia o samobytnosti*. Eds E. A. Pain, O. D. Volkogonov. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2008, pp. 145–165. (In Russian)
- Khantington S. Universalnaia tsivilizatsiia? Modernizatsiia i vesternizatsiia. *Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii*. Moscow, AST Publ., 2005, pp. 74–114. (In Russian)
- Kholms L. *Sotsial'naia istoriia Rossii: 1917–1941*. Rostov na Donu, Logos Publ., 1994, 140 p. (In Russian)
- Krivoshein K. A. A. V. Krivoshein (1857–1921). Ego znachenie v istorii Rossii nachala XX v. *Sud'ba veka. Krivosheiny*. Ed. by A. Iu. Ar'ev. St. Petersburg, Zvezda Publ., 2002, 413 p. (In Russian)
- Krzhevov V. Tsikly rossiiskoi modernizatsii: vsevlavstie biurokratii kak prichina nezavershennosti reform. *Rossiiskaia modernizatsiia: razmyslhiaia o samobytnosti*. Eds E. A. Pain, O. D. Volkogonov. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2008, pp. 60–88. (In Russian)
- Kulikov S. V. “Nepotopliaemyi Bark”: finansist i politik. *Vospominaniia poslednego ministra finansov Rossiiskoi imperii. 1914–1917*. In 2 vols. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2017, pp. 5–78. (In Russian)
- Le Goff Zh. *Tsivilizatsiia srednevekovogo Zapada*. Ekaterinburg, U-Faktoriia Publ., 2005, 558 p. (In Russian)
- Markarian E. S. *Teoriia kul'tury i sovremennaia nauka* (Logiko-metodologicheskii analiz). Moscow, Mysl' Publ., 1983, 284 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Blagosostoianie naseleniia i revoliutsii v imperskoi Rossii: XVIII — nachalo XX veka*. Moscow, Ves' mir Publ., 2012, 848 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. In 3 vols. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2014, vol. 1, 896 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. In 3 vols. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2014, vol. 2, 912 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. In 3 vols. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2014, vol. 3, 992 p. (In Russian)
- Mousmier R. *Peasant Uprising in Seventeenth-Century France, Russia and China*. New York; Evanston, Harper and Row Publ., 1970, 384 p.
- Naumova N. F. *Retsidiviruiushchaia modernizatsiia v Rossii: beda, vina ili resurs chelovechestva?* Moscow, Nauka Publ., 2004, 245 p. (In Russian)
- Nureev R. M., Latov Iu. V. *Institutsional'nye ogranicheniia dogoniaiushchego razvitiia imperatorskoi Rossii. Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, vol. 5, no. 2, pp. 80–99. (In Russian)
- Ortega-i-Gasset Kh. *Vosstanie mass*. Moscow, AST Publ., 2003, 509 p. (In Russian)
- Pain E. Osobennosti rossiiskoi modernizatsii i ikh istoricheskaiia priroda. *Rossiiskaia modernizatsiia: razmyslhiaia o samobytnosti*. Eds E. A. Pain, O. D. Volkogonov. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2008, pp. 15–45. (In Russian)
- Pantin V. I., Lapkin V. V. *Filosofiia istoricheskogo prognozirovaniia: ritmy istorii i perspektivy mirovogo razvitiia v pervoi polovine XXI veka*. Dubna, Feniks Publ., 2006, 347 p. (In Russian)
- Poberezhnikov I. V. *Perekhod ot traditsionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizatsii*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, 237 p. (In Russian)
- Polterovich V. M. Strategii modernizatsii, instituty i koalitsii. *Voprosy ekonomiki*. 2008, no. 4, pp. 4–24. (In Russian)
- Riazanov V. T. Uroki reformirovaniia v Rossii v kontekste mirovogo razvitiia. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Ekonomika*, 1997, vol. 1, pp. 92–104. (In Russian)
- Rodrigues A. M., Leonov S. V., Ponomarev M. V. *Istoriia XX veka: Rossiia — Zapad — Vostok*. Moscow, Drofa Publ., 2008, 558 p. (In Russian)
- Rozov N. S. Tsiklichnost' rossiiskoi politicheskoi istorii kak bolezni': vozmozhno li vyzdorovlenie? *Polis*, 2006, no. 2, pp. 74–89. (In Russian)

- Scott J.C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven, Yale University Press, 1985, 389 p.
- Semenov Iu. *Filosofii istorii (obshchaia teoriia, osnovnye problemy, idei i kontseptsii ot drevnosti do nashikh dnei)*. Moscow, Sovremennye tetrad Publ., 2003, 775 p. (In Russian)
- Semenov Iu. I. Rossiia: Chto s nei sluchilos' v dvadtsatom veke. *Rossiiskii etnograf. Etnograficheskii al'manakh. Antropologiiia. Kul'turologiiia. Sotsiologiiia*. Vol. 5. Moscow, IEA RAN Publ., 1993, pp. 5–105. (In Russian)
- Seniavskii A. S. Modernizatsionnye kontseptsii i ikh potentsial v izuchenii rossiiskoi istorii. *Istoriia Rossii: teoreticheskie problemy*. Vol. 2. Modernizatsionnyi podkhod v izuchenii rossiiskoi istorii. Moscow, IRI RAN Publ., 2013, pp. 7–63. (In Russian)
- Shakhovskoi V.N. *Sic transit gloria mundi (Tak prokhorodit mirskaia slava). 1893–1917 gg.* Paris, Impr. de Navarre Publ., 1952, 300 p. (In Russian)
- Shepelev L. E. *Tsarizm i burzhuaziia v 1904–1914 gg. Problemy torgovo-promyshlennoi politiki*. Leningrad, Nauka Publ., 1987, 272 p. (In Russian)
- Shevelev V. N. *Vse moglo byt' inache. Al'ternativy v istorii Rossii*. Rostov na Donu, Feniks Publ., 2009, 349 p. (In Russian)
- Shkuratov V. A. Historical Psychology in Boris Mironov's "Russian Empire". *Bylye gody*, 2016, no. 41–1 (3–1), pp. 973–980.
- Shlezinger A. M. *Tsikly amerikanskoi istorii*. Moscow, Progress-Akademiia Publ., 1992, 687 p. (In Russian)
- Shtompka P. *Sotsiologiiia: Analiz sovremennogo obshchestva*. Moscow, Logos Publ., 2005, 664 p. (In Russian)
- Skvortsova E. M. Problemy modernizatsii Rossii: opyt istoriko-ekonomicheskogo analiza. *Gumanitarnye nauki*, 2014, vol. 4, pp. 42–51. (In Russian)
- Sogrin V. V., Zvereva G. I., Repina L. P. *Sovremennaia istoriografiia Velikobritanii*. Moscow, Nauka Publ., 1991, 225 p. (In Russian)
- Staits R. Russkaia revoliutsiia i kul'tura i ee mesto v istorii kul'turnykh revoliutsii. *Anatomiia revoliutsii*. Ed by V. Iu. Cherniaev. St. Petersburg, Russko-Baltiiskii Informatsionnyi tsentr BLITs Publ., 1994, pp. 373–374. (In Russian)
- Starodubrovskaiia I. V., Mau V. A. *Velikie revoliutsii: Ot Kromvelia do Putina*. 2nd ed. Moscow, Vagrius Publ., 2004, 510 p. (In Russian)
- Stearns P. N. Modernization. *Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000*. In 6 vols. Ed. by P. N. Stearns. New York etc., Charles Scribner's Sons Publ., 2001, vol. 2, pp. 3–12.
- Sysoeva L. N. *Gosudarstvenno-politicheskaia deiatel'nost' A. V. Krivosheina, 1905–1915 gg.* Kand. Diss. Voronezh, Voronezh Pedagogical University Press, 2000, 268 p. (In Russian)
- Tiryakian E. The Changing Centers of Modernity. *Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt*. Eds by E. Cohen, M. Lissak, U. Almagor. Boulder (CO), Westview Publ., 1985, pp. 131–147.
- Travin D., Margariia O. *Evropeiskaia modernizatsiia*. In 2 books. St. Petersburg; Moscow, AST; Terra Fantastica Publ., 2004, book 1, 665 p. (In Russian)
- Vishnevskii A. G. *Serp i rubl': Konservativnaia modernizatsiia v SSSR*. Moscow, OGI Publ., 1998, 432 p. (In Russian)
- Volkogonova O. Rossiiskaia modernizatsiia i opasnosti avtoritarizma. *Rossiiskaia modernizatsiia: razmysl'iia o samobytnosti*. Eds by E. A. Pain, O. D. Volkogonov. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2008, pp. 46–59. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 4 сентября 2017 г.
рекомендована в печать 28 декабря 2017 г.